

17 июль 1979

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

БАЛАЛАЙКА, ГИТАРА И... ДЖАЗ

ВСЕРЬЕЗ О «ЛЕГКОМ» ЖАНРЕ

Мое «оружие» — эстрадная песня. Легкой музыке посвятил я все свое творчество. И нисколько не жалею об этом. Ибо у легкой музыки очень выгодные позиции для влияния на сердца молодых: я не знаю дома, где бы не слушали и не любили так называемую «легкую» музыку.

У нас есть свои преимущества, но и свои особые трудности. Я бы даже сказал, свои болезни, которые мешают развитию жанра. Будем откровенны: в том могучем музыкальном «прессе», под воздействием которого мы находимся каждодневно, в той интенсивной музыкальной напряженности, которая стала чертой быта современного человека, звучат разные по своим достоинствам голоса.

Я имею в виду не только качество песен и эстрадной музыки, но и в особенности уровень профессионального мастерства исполнителей, и это относится даже к весьма крупным, часто выступающим коллективам и солистам. Не происходит ли известная девальвация жанра?

Нередко песни, написанные для эстрадных ансамблей, приобретаются соответствующими организациями, а затем складываются на полках и вообще не исполняются. Почему это происходит?

Прежде всего, по-моему, потому, что снижены профессиональные требования к песне, исполняемой на эстраде, к легкому жанру. И подчас здесь не спасают авторитетные «эксперты», и даже самое представительное жюри конкурсов и фестивалей не способно прийти на помощь.

Думается, что в наши дни и в оценке качества песни и ее исполнения подчас преобладают вкусовщина, субъективизм, магия имени создателя, личные симпатии к авторам или иные случайные моменты, ничего общего не имеющие с объективными требованиями. Нередко случается, что мнение авторитетных «экспертов» и жюри расходится с общественным признанием или непризнанием эстрадной песни. Право же, мы не научились еще научно анализировать коэффициент полезного действия искусства вообще, легкой музыки — в частности и в особенности.

Иное дело на буржуазном Западе, где эстрадная песня — предмет откровенного бизнеса. Бизнес требует результата. И чтобы заранее определить, стоит ли вкладывать деньги в того или иного

исполнителя, в тот или иной ансамбль, используются и психологи, и социологи, и, конечно, мастера рекламы, коммерсанты.

У нас, безусловно, совсем иные цели, средства, критерии. Хотя и нам не безразлично, раскупят ли грампластинки, придут ли люди на концерт, будут ли слушать то или иное выступление по телевидению и радио. Нам нужна массовая аудитория. Нам нужно считать и деньги, вложенные народным государством в полезный и вдохновляющий предмет искусства. Так не пора ли поставить на научную основу оценки, критерии и прогнозы в эстрадной музыке?

Но, допустим, хорошая песня создана, сформировался союз единомышленников, состоящий из поэта и композитора. Далее судьба произведения — в руках исполнителей, им вверено его будущее. И часто душа закипает досадой, когда наблюдаешь, как хорошая песня исполняется безлико, тускло, неинтересно, «под аккомпанемент» полнейшего равнодушия и профессиональной беспомощности исполнителей!

Задача — найти талантливых исполнителей, внушить им безаветную преданность жанру, научить их работать, работать и работать. Не может быть, чтобы в нашей огромной стране не было талантов. Наверное, мы просто не знаем их и недостаточно настойчиво ищем.

Почему у нас нет своих «Сопотов»? Разве нельзя было бы использовать для этого хотя бы прекрасный концертный зал в Дзинтари (Юрмала). Да, наверное, и не только в Дзинтари могли бы проходить такие творческие фестивали. Важно предположить им широчайшую подготовку с выявлением и отбором множества талантливых исполнителей, концертных программ легкой музыки.

Самое сложное в искусстве исполнителя — умение свободно держаться на сцене, импровизационная раскованность, артистизм, умение проложить дорожку с подмостков в зрительный зал — установить контакт с аудиторией и захватить ее, увлечь своим искусством. Тут на одном обаянии далеко не уедешь. Оно примелькается, иссякнет, к нему привыкнут. А истинное мастерство неуязвимо, однако оно требует постоянного совершенствования, неустанной шлифовки.

Мы часто говорим о «контакте с публикой», но никогда не вдумываемся, что же подразумевается под словом «контакт». Конечно, прежде всего мерилom здесь служит массовость аудитории и жизнестойкость произведения в музыкальном быту: запоют или не запоют песню на молодежных вечерах, в студенческих и рабочих общежитиях, в походах, на улицах.

Нередко раздаются обвинения в дурном вкусе тех эстрадных исполнителей, которые втягивают в активные действия зрительный зал, когда публика, увлеченная песней, начинает подпевать и «подтанцовывать». А я считаю, что это очень хорошо, когда зал вторит артистам. Только надо, чтобы артисты вели слушателей дорогой высокого мастерства, дорогой превосходного вкуса. Ведь вместе с настоящим современным песенным искусством легко забросить в зал «фугаску» пошлятины. Этого мы не имеем права допускать.

Одна из «статей», инкриминируемых эстраде, — излишняя громкость программ, дескать, барабанные перепонки не выдерживают такого сверхнапряжения! Надо прямо сказать, что в современной легкой музыке есть свой собственный действующий импульс, свой эмоциональный раздражитель, который необходим для установления контакта с публикой. Да, если хотите, это своеобразный механический раздражитель, поскольку «на вооружении» вокально-инструментальных ансамблей вполне современные технические аппараты, в том числе и электронные. Отсюда и открытая громкость — без нее не получается тот эмоциональный заряд, которого ищет в эстрадной музыке сегодняшний юный слушатель. Только очень важно помнить: этот фиксированный механический раздражитель полезен, если за ним следует настоящая музыка, и он вреден, если за ним настоящей музыки нет. Тогда и остается только одна раздражающая педаль — громкость. И вообще, когда громкая музыка создается мастерски, качественной аппаратурой и высокопрофессиональными исполнителями, меня она не раздражает, не вызывает никаких негативных ощущений. Это отнюдь не значит, однако, что я выступаю в защиту тех слабых музыкантов, которые гром-

костью пытаются замаскировать свое неумение, свою бесталанность, свою профессиональную беспомощность.

Нам нужны песни разные. Нужна массовая политическая песня. Как подойти к ее созданию? Аранжировать современным языком старые, любимые народом песенные мелодии? Не всегда это возможно (по самому характеру мелодий) и не всегда нужно. Иной раз такого рода «омоложение» оборачивается кошмаром, издевательством над песней, вошедшей в золотой фонд нашего народа. Создавая новую песню, уже с самого начала необходимо мыслить категориями современного музыкального языка.

Кстати, по-моему, не следует бояться, как чумы, слова «шлягер». Это отнюдь не бранное слово. «Шлягер» — это просто очень доходчивая современная песня, которую поют все. Поют и танцуют! Дело ведь не в названиях, а в том, чтобы песня помогала строить и жить нашим современникам и в первую очередь молодым.

Нынешний век требует от эстрадного артиста импровизационной легкости, свободных и эксцентричных интонаций и движений. Что в этом плохого? Пикантность, изящество, известная смелость поведения на сцене еще вовсе не означают дурного вкуса. Нам незначит тиражировать эротику или психостению, как делает буржуазная эстрада, — это чуждо нашей идеологии, нашим нравственным устоям, но к публике надо относиться с доверием, не боясь ее «испортить» откровенностью.

Не будем же проповедовать ханжество, иначе развитие жанра вновь и надолго затормозится. Мода делает очередной вираж, и, может, сегодняшние «шлягеры» уступят место новому течению формы. Однако идти против течения, значит, захлебнуться и не достичь цели.

Да, легкий жанр, больше, чем какой бы то ни было другой, подвержен влияниям моды, зависит от ее прихотей, зигзагов. И все же это не значит, что легкая музыка перестает быть подлинным искусством, и в этой области создаются свои шедевры, свои непреходящие ценности. Идет своеобразный естественный отбор — истинно художественное остается, вливаясь в поток советской, социалистической, а значит, и мировой культуры.

Наверное, никто из авторов сегодняшней легкой музыки, рассчитывая на ее сиюминутность, оперативность исполнения, не мечтает о вечности. Но естественный отбор продолжает действовать даже в условиях интенсивных и бурных музыкальных потоков, среди которых мы живем. Лучшее останется!

С большим удовлетворением я работаю в театре и кино, создаю музыку для спектаклей и фильмов. Мне повезло: в последнее время я участвовал в постановке «Бранда» Г. Ибсена на сцене Художественного академического театра имени Я. Райниса, написал музыку для двухсерийного телевизионного фильма «Театр» по Сомерсету Моэму, создал мюзикл «Сестра Керри» по роману Т. Драйзера, который поставлен в Рижском театре оперетты, написал музыку еще для нескольких спектаклей и фильмов. Во всех этих случаях трудно было бы говорить о «развлекательности». Напротив, я пытался создать музыку, исполненную драматизма, подняться даже до высот современной трагедии. Удалось ли? Судить не мне. Однако хочу подчеркнуть: я сохранял верность жанру. Кажется, мне удалось доказать самому себе и слушателям, что в средствах так называемой легкой музыки можно рождать у людей самые серьезные, грустные и даже трагедийные переживания.

Думаю, что музыка в современном театре и кино также приобретает несколько новые формы и новое назначение. Теперь уже не нужны вставные куплеты или инструментальные дивертисменты. Театр, в котором безраздельно царствует актер (а именно таким вижу я современный театр), не требует «подслащивания пилули» музыкальными картинками. Я, как правило, ищу обобщенную, очень краткую и предельно интенсивную лейтмотивную музыкальную метафору главной идеи фильма или спектакля. И больше никаких излишеств! Эта метафора должна органически слиться воедино с литературой, лежащей в основе произведения, с усилиями режиссера, сценариста, с игрой артиста. Эта метафора — стусок моей идеи, которую я хочу передать зрителям, чтобы через сердца воздействовать на их умы.

Раймонд ПАУЛС,
народный артист
Латвийской ССР.

РИГА.